

В. А. АРУТЮНОВА

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВИЗАНТИИ С ПЕЧЕНЕГАМИ И ПОЛОВЦАМИ ВО ВРЕМЯ НОРМАННСКОЙ КАМПАНИИ

В начале XI в. Византия успешно завершила многолетнюю войну с болгарами и оккупировала их земли. Но победа принесла империи, помимо новых земель, и необходимость оборонять их. Рухнуло Болгарское царство — барьер между границами Византии и кочевыми ордами. В течение всего XI в. балканские владения империи становятся объектом набегов кочевых племен: печенегов, узов и половцев. Мы остановимся ниже на одном из эпизодов борьбы Византии с кочевниками в начале 80-х годов XI в., в первые годы правления Алексея I Комнина.

В 1080 г., после ряда опустошительных набегов, с печенегами и куманами (половцами) был заключен мирный договор¹. «Мы не знаем, каковы были условия этого договора, — писал В. Н. Златарски, — но можем с уверенностью заявить, что константинопольское правительство этим мирным договором преследовало две цели; первая — защитить Болгарию от постоянных набегов печенегов, которые действовали заодно с куманами, и вторая — отнять у болгар возможность поднимать восстания с помощью этих варваров»².

Обеспечение мира на Балканах имело для империи в этот период особенно важное значение, так как балканские владения Византии стали самым значительным ее достоянием. Малоазийские провинции почти целиком перешли в руки турок-сельджуков. От Киликии до Дарданелл простирался могущественный Румский султанат с центром в Никее (позже — в Иконии).

Итак, печенеги и половцы заключили мирный договор с империей. Но соблюдали ли они его? Обычно полагают, что до 1084—1086 гг., когда кочевники поддержали восстание Травла³, они не предпринимали крупных выступлений против империи, иначе говоря, в течение самого тяжелого периода норманнской кампании 1081—1083 гг. они выполняли условия договора 1080 г.

Однако история взаимоотношений Византии с кочевниками показывает, что святость договоров мало заботила последних, особенно когда империя сражалась с другими врагами, подавляла бунты вельмож или выступления поработенных народов. Могли ли кочевники, несмотря на договор с Византией, не воспользоваться моментом и на этот раз, когда все силы империи были брошены на войну с норманнами?

¹ *Georgius Cedrenus. Joannis Scylitzae opere*, II. Bonnæ, 1838, p. 743.

² В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове, т. III. София, 1963, стр. 165.

³ Анна Кемнина. Алексиада. Вступительная статья, перевод и комментарий Я. Н. Лкбарского. М., 1965, стр. 201.

Существует свидетельство, не привлечшее до сих пор внимания исследователей и позволяющее ответить на этот вопрос. Оно содержится в уставе, написанном в 1084 г. великим domestikом Запада Григорием Пакурианом для основанного им во Фракии монастыря богородицы Петрицонской⁴.

Перечисляя дары, пожалованные монастырю, Григорий упоминает царские одежды, дарованные ему «могучим и святым нашим царем киром Алексеем». Он отмечает, что эти одежды были подарены, когда «вследствие великой помощи и силы его божественной десницы, из-за удачи и счастья святого нашего царя я разбил и разгромил очень страшных и очень храбрых его врагов, противников не только Романии, но и всего рода христиан. Я говорю именно о печенегах, разгром и полное уничтожение которых трудно описать». Далее Григорий добавляет: «Я убежден, что и после моей смерти, по истечении многих лет, совершившееся тогда чудо всемогущего бога никоим образом не забудется»⁵.

Можно утверждать, что сражение с печенегами было значительным: Григорий говорит о разгроме и полном уничтожении печенегов и выражает надежду, что память об этом не исчезнет. Из контекста ясно, что Алексей Комнин (*κραταίος καὶ ἅγιος ἡμῶν βασιλεύς*) был в то время уже императором. Следовательно, *terminus post quem* этого события — 4 апреля 1081 г., воцарение Алексея I, *terminus ante quem* — 1084 г., время написания типика.

Итак, крупное сражение с печенегами, в котором победу одержали ромейские войска под командованием Григория Пакуриана, произошло в промежутке между 1081 и 1084 гг.

Совершенно ясно, что император не принимал участия в этой кампании. Григорий говорит о победе как о плоде своих личных усилий. «Я разбил и разгромил врагов», — пишет он. Заявление полководца о милости неба к царю в этой битве следует расценивать как общепринятый в те времена оборот речи, воздающий хвалу одновременно как небесному, так и земному владыке. Впрочем, в упоминании о содействии победе «царской десницы» можно усмотреть намек на какую-то конкретную помощь, выразившуюся, вероятно, в присылке денег или подкреплений.

В типике, кроме того, есть упоминание также и о набеге куманов, столкновение с которыми закончилось для Григория не столь счастливо. Он попал к ним в плен, о чем в одном месте он говорит достаточно определенно (*τῆς ἀλώσεως τῶν Κομάνων*)⁶, а в другом — довольно бегло («жестокий плен в руках» *ἐθνῶν*)⁷. Видимо, в обоих случаях речь идет об одном и том же событии.

Далее типик содержит сведения о каких-то казенных суммах (*βασιλικῶν λογαρίων*), израсходованных «на отзыв команов» (*εἰς τὴν μετάκλησιν τῶν Κομάνων*)⁸. Вероятно, Константинополь, будучи не в силах противопоставить кочевникам достаточную воинскую силу (поскольку основная их часть была брошена на войну с норманнами), обратился к излюбленному приему византийской дипломатии — подкупу.

Григорий говорит о дарах, полученных им по возвращении из куманского плена от императора и его брата, «счастливейшего севастократора»⁹. Как известно, титул «севастократор» был создан Алексеем для своего старшего брата Исаака после вступления на престол 4 апреля

⁴ *Typicon Gregorii Pacuriani*. — В кн. «Georgica», t. V. Тбилиси, 1963, стр. 252. 24—25.

⁵ *Ibid.*, стр. 130. 7—18.

⁶ *Ibid.*, стр. 130. 20.

⁷ *Ibid.*, стр. 118. 12—14.

⁸ *Ibid.*, стр. 250. 5—7.

⁹ *Ibid.*, стр. 130. 21—22.

1081 г.¹⁰ Набег куманов, следовательно, произошел в тот же период, что и битва с печенегами: не ранее 4 апреля 1081 г. и не позже 1084 г.

Попытаемся, однако, определить точное время этих столкновений. В 1081—1082 гг. Григорий Пакуриан неизменно находится на театре военных действий с норманнами. В конце 1081 г. он принимал участие в сражении под Диррахием, возглавляя левую фалангу императорских войск¹¹. Потерпев поражение, он формировал новые силы¹². Участвовал Григорий и в неудачных сражениях при Янине и Арте в 1082 г.¹³ После отъезда императора в Константинополь он вел самостоятельные военные действия против отдельных отрядов Боэмунда¹⁴. Осенью 1083 г. произошло несколько серьезных столкновений с норманнами у Лариссы. Алексею не удалось одержать решительную победу, но все же Боэмунд понес значительный урон, потерял запасы и снаряжение и отошел к Трикалам, откуда отправился в Касторию¹⁵. Вскоре после сражения у Лариссы произошла битва при захваченной норманнами Кастории (октябрь—ноябрь 1083 г.)¹⁶, осаду которой предпринял Алексей I. Гарнизон не выдержал приступа и сдал город императору¹⁷. В декабре 1083 г. Алексей возвратился в Константинополь. По дороге он остановился в Мосинополе и учинил жестокую расправу над павликианами Фракии¹⁸.

Интересно отметить следующий знаменательный факт. Григорий Пакуриан, который неотлучно находился на театре военных действий со времени сражения под Диррахием, участвуя во всех предприятиях Алексея Комнина, не присутствовал в таком важном сражении, как битва под Лариссой; его не было ни у Кастории, ни в Мосинополе. Вряд ли это случайно. Очевидно, в это время, т. е. в промежуток с осени по декабрь 1083 г., Григорий был занят делом, по меньшей мере, столь же серьезным, как и война с норманнами. Мы полагаем, что этим делом и было отражение набегов кочевников. В подтверждение этого обратимся к «Алексиаде» Анны Комнины.

Война с норманнами в 1081—1084 гг. поглощала все силы империи. Единственный историограф этого периода — Анна пишет об этой войне как о самой опасной угрозе для империи в данный отрезок времени. Видимо, поэтому кочевникам она уделила внимание лишь в дальнейшем, говоря о времени, когда они стали главной опасностью. Подробно рассматривает Анна участие печенегов в восстании павликианина Травла в 1084—1086 гг. Большое внимание она уделяет печенежскому нашествию на Византию в 1087—1092 гг., едва не погубившему империю. Но относительно более ранних набегов кочевников, засвидетельствованных другими источниками, и в частности типиком Пакуриана, в «Алексиаде» сказано очень бегло, и эти высказывания не привлекли к себе внимания исследователей. Упоминание о «скифах» содержится в передаваемой Анной речи Алексея, произнесенной им во Влахернском дворце в начале 1084 г.

1 декабря 1083 г. Алексей Комнин вернулся в Константинополь после победы над норманнами под Касторией и расправы с павликианами Филиппополя. Здесь его ждало недовольство части духовенства, возмущенного реквизицией драгоценной церковной утвари для расходов на военные нужды. Алексей созвал во Влахернском дворце синклит, чтобы оправдать перед ним свои действия. В своей речи он указал на великие опасности,

¹⁰ Анна Комнина. Алексиада, стр. 122; см. также стр. 651, прим. 309.

¹¹ Там же, стр. 150.

¹² Там же, стр. 160.

¹³ Там же, стр. 160—164.

¹⁴ Там же, стр. 165.

¹⁵ Там же, стр. 168—170, 651.

¹⁶ Там же, стр. 651.

¹⁷ Там же, стр. 176—177.

¹⁸ Там же, стр. 177—178.

которые угрожали государству в начале его царствования и которые побуждали его наложить руку на церковные сокровища. «Вам известно о вторжениях персов и набегах скифов, — говорил он, — и вы не забыли о копьях, которые точили против нас в Лонгивардии»¹⁹.

Алексей I совершенно точно перечислил здесь тех врагов, с которыми он имел дело с начала своего царствования. Действительно, сразу по вступлении на престол он вел войну с турками («персами») и сильно потеснил их от побережья в глубь Малой Азии; при известии о вступлении Роберта Гвискара («копья из Лонгивардии») он спешно заключил мир с султаном, чтобы не воевать одновременно с двумя противниками²⁰. Относительно же нападения «скифов» на империю в промежуток между вступлением Алексея на престол и началом 1081 г. (произнесение речи во дворце) Анна Комнина не дает никаких пояснений. Между тем набег, о котором счел необходимым упомянуть Алексей, вряд ли мог быть незначительным пограничным столкновением — он говорит о нем наряду с войной против сельджуков и норманнской кампанией. В «Алексиаде» имеется и другое указание на этот «скифский» набег. «Алексей неоднократно терпел на войне поражения, — пишет Анна, — бесчисленное число раз вновь нападал на кельтов и наконец с божьего соизволения вернулся увенчанный победой. Вскоре император, однако, узнал, что на него надвигается туча других врагов (я имею в виду скифов). И вот по тем же причинам начался новый сбор денег»²¹. Эта фраза следует непосредственно за рассказом о реквизиции церковной утвари на нужды войны (весна 1082 г.)²². До декабря 1083 г., кроме победы при Кастории (октябрь—ноябрь 1083 г.), Алексей добился частичного успеха у Лариссы (начало осени 1083 г.)²³. Поскольку, вернувшись после победы у Кастории, император говорит о набегах «скифов» как о чем-то бывшем раньше, то очевидно, что в вышеуказанном отрывке имеется в виду его возвращение в Константинополь не после победы под Касторией, а после сражения у Лариссы. Следовательно, вернувшись в Константинополь после этого сражения в начале осени 1083 г., Алексей оказался перед угрозой со стороны «скифов» — угрозой настолько серьезной, что он был вынужден снова начать сбор денег. Эта угроза, однако, была, видимо, ликвидирована до возвращения Алексея после битвы при Кастории, как об этом свидетельствует речь во Влахернском дворце. Оба свидетельства «Алексиады» имеют в виду, следовательно, крупный набег «скифов» в период между ранней осенью и 1 декабря 1083 г.

Я. Н. Любарский считает, что фраза на стр. 107 о победном возвращении Алексея относится к победе при Кастории, а под упоминанием о «скифах» следует понимать помощь печенегов Травлу в 1086 г.²⁴ Нам представляется, что, если бы это предположение соответствовало истине, вряд ли Анна употребила бы слово «вскоре» по отношению к промежутку времени в три года (1083—1086 гг.). Я. Н. Любарский приводит в пользу своей гипотезы следующий аргумент. Анна указывает, что, когда начался новый сбор денег, епископ Лев Халкидонский, лидер духовенства, недовольного конфискацией церковной утвари, выступил вновь против императора и был низложен²⁵. Сохранился указ о его низложении, датированный 1086 г.²⁶ Я. Н. Любарский полагает, что эта дата вполне соответствует

¹⁹ Анна Комнина. Алексиада, стр. 179.

²⁰ Там же, стр. 138.

²¹ Там же, стр. 159.

²² Там же, стр. 158.

²³ Там же, § 7, стр. 170.

²⁴ Там же, стр. 500, прим. 487, 488.

²⁵ Там же, стр. 159.

²⁶ F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, II. Berlin—München, 1925, № 1130.

сведениям Анны, которая лишь забегает вперед и повествует о событиях кануна печенежского нашествия 1086 г.²⁷

Однако в «Алексиаде» идет речь о нападках Льва Халкидонского на Алексея I, а в указе в качестве оснований низложения Льва приводятся обвинения, выдвинутые им против патриарха Евстратия. Я. Н. Любарский пытается примирить это разногласие тем, что патриарх Евстратий находился под покровительством самодержца и, следовательно, нападки на Евстратия были равносильны нападкам на Алексея. Разумеется, это было бы так, если бы в «Алексиаде», в отрывке, относящемся к судьбе Льва Халкидонского, шла речь только о 1086 г., к которому относится и указ императора о Льве. Но все дело в том, что пассаж «Алексиады» о Льве Халкидонском явно не ограничен одним годом. Анна дает, по нашему мнению, развернутую картину многолетней борьбы непокорного епископа с императором и официальной линией церкви. Лев Халкидонский сначала выступил против нового сбора денег, вызванного угрозой нападения «скифов». Это произошло «вскоре» после победного возвращения императора в столицу, т. е. в 1083 г. Затем усиленному обсуждению подвергся вопрос о святынях. Несмотря на обещания Алексея передать в возмещение убытков церкви еще более ценную утварь, Лев «начал клеветать на императора». К этому времени, пишет Анна, Алексей уже освободили от вины наиболее достойные члены синода. Это оправдание императора произошло в начале 1084 г. Но Лев все не унимался, и «поэтому он был осужден и лишен должности», а затем, спустя несколько лет, приговорен к изгнанию²⁸. Нам представляется, таким образом, что не следует рассчитывать на точное совпадение данных «Алексиады», рисующих долгие годы борьбу Халкидонского епископа с самодержцем, и свидетельства указа, который, очевидно, дает обоснование низложения Льва Халкидонского в 1086 г.

Нет оснований, следовательно, относить указание «Алексиады» о набеге «скифов» к 1086 г., поскольку это указание совпадает не с концом борьбы Льва Халкидонского против Алексея I, а, скорее, с ее центральным периодом.

Итак, «Алексиада» содержит сведения (правда, весьма скудные) о каком-то крупном набеге «скифов», который произошел между началом осени и 1 декабря 1083 г. Есть основания полагать, что это и был тот набег кочевников, о котором говорится в типике Григория Пакуриана и который отвлек внимание великого доместика от норманнской кампании.

Свидетельства типика Бачковского монастыря и «Алексиады» позволяют установить факт нападения крупных сил печенегов и половцев на империю осенью—зимой 1083 г. Судя по данным типика, печенеги и половцы вели наступление разобщенно. Великому доместику Запада Григорию Пакуриану в кровопролитной битве удалось разгромить печенегов, но, когда византийские войска вступили в сражение с половцами, победа осталась за последними. Великий доместик попал в плен вместе со своей свитой. Византийскому императору пришлось израсходовать, очевидно, довольно крупные суммы из государственной казны, чтобы добиться ухода половцев. Империя стремилась в это время любыми путями — оружием или золотом — ликвидировать угрозу затяжной войны с кочевниками, чтобы избежать необходимости ведения войны одновременно на два фронта.

²⁷ Анна Комнина. Алексиада, стр. 501, прим. 491.

²⁸ Там же, стр. 159—160.